

1860

Отступничество
русского Галилеянина

10 октября 1860 г. собравшиеся в здании кадетского корпуса на Васильевском острове (бывший дворец А.Д. Меншикова) на очередное заседание члены Редакционных комиссий, заканчивавших подготовку окончательного проекта крестьянской реформы, нашли двери своей залы закрытыми. Комиссии были упразднены и дела их переданы Главному комитету по крестьянскому делу. Подготовку великой реформы передали из рук приглашенных правительством экспертов, «сведущих людей» из общества — «свободного совещательного элемента», по точному выражению одного из лидеров комиссий, высокопоставленным бюрократам. Первые были в основном либералами, стремившимися освободить крестьян на вполне приемлемых для них условиях, вторые — крепостниками и консерваторами, стоявшими на страже выгод помещиков.

Образованное русское общество в очередной раз было отстранено от участия в перемене судьбы своей собственной страны, что не могло не усилить и без того немалое его отчуждение от власти, трагически сказавшееся в финале царствования Александра II.

Справедливости ради надо заметить, что свой вклад в такой поворот событий внесли и сами либералы, убежденные, что в России государству как движителю прогресса альтернативы нет, а дворянство только осложняет дело борьбой за свои корыстные интересы.

Но и власть поступила недальновидно. Отказываясь от сотрудничества с либералами разных мастей, она усиливала революционный и консервативный лагеря, влияние которых на судьбы страны могло быть (а в итоге и стало: первого — до 1881 г., второго — после) весьма опасным.

В феврале 1858 г., в третью годовщину правления царя-реформатора, неугомонный критик самодержавия, политический эмигрант Александр Герцен напечатал в «Колоколе» статью, где приветствовал Александра II словами: «Ты победил, Галилеянин!» Таковы были, если верить благочестивой христианской легенде, предсмертные слова

римского императора Юлиана. Император получил прозвище «отступника», ибо всю жизнь свою боролся с христианством (считал его провинциальной «галилейской» ересью) и восстановил язычество в качестве официальной религии империи. Восклицание стало крылатой фразой, выражающей сознание смирения перед истиной, признание себя побежденным.

«Имя Александра II, — объяснялся в любви к императору Герцен, — отныне принадлежит истории... Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут! Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться». Александр остановился.

Реформа и революция

Классики отечественной исторической науки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, описывая основные факторы российского исторического процесса, в качестве одного из важнейших выделяли «ход внешних событий». Действительно, изучая родную историю, трудно отделаться от мысли, что основные импульсы для своего развития мы получали и продолжаем получать извне. Достаточно вспомнить роль норманнов в процессе складывания древнерусского государства и ордынцев — в образовании московского государства, значение войны за балтийское побережье как движущей силы петровских реформ и так далее — вплоть до Горбачева и перестройки, вызванной в основном проигранной «холодной войной». Как будто бы в огромном организме российской государственности отсутствует ген саморазвития, подменяемого постоянными «революциями сверху».

Реформы Александра II не были исключением из этого правила. Необходимость преобразований понимали и его отец, и дядя, но на коренные перемены решился именно сын (и племянник), известие о рождении которого, кстати, Александр I получил после произнесения на открытии первого польского сейма в 1818 г. своей знаменитой «варшавской речи», обещавшей конституцию для России.

Решился только после страшной внешнеполитической катастрофы Крымской войны (1853—1856), показавшей вполне реальную угрозу потери Россией статуса великой европейской державы. Именно военное поражение и стало главной причиной взятого правительством курса на реформы. Как писал В.О. Ключевский, «хмурясь и ро-

бея, пережевывая одни и те же планы, из царствования в царствование отсрочивая вопрос малодушными попытками улучшения, не оправдывавшими громкого титула власти, довели дело к половине XIX века до того, что его разрешение стало требованием стихийной необходимости, особенно когда Севастополь ударил по застоявшимся умам».

Впервые после нарвской «конфузии» 1700 г. Россия потерпела столь унижительное поражение. Она сдала противнику героически оборонявшийся Севастополь, потеряла часть Бессарабии, военно-морские базы и военный флот на Черном море. Война обнажила колоссальное отставание страны, многочисленные пороки и упущения в военной и прочих сферах жизни огромной крепостной империи. Как вскоре после восшествия на трон писал сам Александр, «первое дело — нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всех зол».

В настроении русского общества за годы войны тоже произошли разительные перемены. Оно как бы приходило в себя, распрямлялось после «чугунного катка» предшествовавшего царствования. Характерен разговор двух великих русских историков — С.М. Соловьева и Т.Н. Грановского, встретившихся на панихиде по Николаю I в университетской церкви св. Татьяны. В своих записках Соловьев вспоминает: «Первое мое слово ему было: "Умер!" Он отвечал: "Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно то, как мы с вами живы"». Живые заговорили, и приговор их был неутешителен. Даже такой апологет николаевского режима, как профессор Московского университета историк Михаил Погодин (один из столпов «официальной народности»), в 1856 г. в своих знаменитых «Историко-политических письмах» писал: «прежняя система отжила свой век». Самообольщение насчет благодетельной особливости русского пути было развеяно. Даже Погодин вынужден был признать, что «нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении».

На втором месте среди причин Великих реформ, бесспорно, находится та, которую историки несколько поэтически окрестили как «призрак пугачевщины», т. е. страх перед грядущим (в случае отказа от реформ) кровавым крестьянским восстанием. В марксистской литературе в духе теории классовой борьбы было принято трактовать канун реформ как «революционную ситуацию», только по причине отсутствия «субъективного» фактора — партии, способной повести массы за собой, — не завершившуюся революцией. Массовое крестья-

янское движение будто бы вырвало у колеблющегося самодержавия реформы. Уже в советское время наиболее трезвые (и смелые) историки, например, П.А. Зайончковский, сомневались в том, что незначительный рост крестьянских волнений накануне отмены крепостного права имел решающее значение. В скобках заметим, что внушительные цифры выступлений получались только в результате жульнического приплюсовывания к собственно социальным столкновениям эксцессов, связанных с «трезвенническим движением», когда крестьяне, озверевшие от злоупотреблений винных откупщиков, безбожно вздувавших цены на водку, громили кабаки. Позднейшие исследования подтвердили правоту скептиков. Действительно, угроза крестьянской войны была скорее потенциальной, чем реальной. Тот же Погодин предупреждал, что «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев, ...на сторону к Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разин — лишь кликну клич». Один из главных деятелей Великих реформ Николай Милютин в своей записке Александру II писал, что дальнейшее сохранение крепостного права и откладывание реформ в перспективе (лет через 10—15) могут привести к поголовному восстанию крестьян.

Это понимали наиболее дальновидные дворяне, и этим же царь пугал менее дальновидных. В своем выступлении перед представителями московского дворянства 30 марта 1856 г. император сказал: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого; мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели "снизу"» (в записи А.И. Левшина, товарища министра внутренних дел).

В этой немногословной речи уже содержатся главные элементы конструкции крестьянской реформы: инициатива, исходящая от верховной власти; навязывание царской воли русскому дворянству, не слишком сочувствовавшему реформаторским планам; стремление опередить пугавшее всех «движение снизу» (т. е. крестьянское восстание); наконец, взгляд на освобождение крестьян как на вектор исторического развития XIX века.

Здесь ясно обозначается еще одна важная причина отмены крепостного права — личность самодержца, осуществившего ее вопреки своим убеждениям предреформенной поры (когда он по некоторым

вопросам был консервативнее своего отца). Действительно, император, по праву прозванный впоследствии «освободителем» (ссылных декабристов, русских крестьян и болгар от турецкого ига), стал реформатором не в силу своих воззрений, а как военный человек, осознавший уроки жестокого поражения, и как самодержец, превыше всего ставивший престиж и величие возглавляемой им империи. Определенную роль сыграли и свойства его характера — доброта, сердечность, восприимчивость к «гуманным идеям» — привитые ему всей системой воспитания В.А. Жуковского (приглашенного Николаем в наставники к цесаревичу). По словам Л.Г. Захаровой, тонкого знатока эпохи Великих реформ, «не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр стал им в ответ на потребности времени как человек трезвого ума и доброй воли». Правда, такая характерная российская зависимость правительственного курса от личных качеств правителя несла и немалую опасность для этого курса в случае изменения расположения «ума и воли» монарха. Увы, эта угроза реализовалась, что привело к постепенному свертыванию реформ после 1866 г. и острому кризису 1879—1881 гг.

Разумеется, один император не смог бы провести огромную работу подготовки и проведения крестьянской и других реформ. Помощниками в этом деле для него стали, во-первых, русское образованное общество, интеллигенция, складывавшаяся в 1840-е гг. Из этой среды вышли, например, такие деятели Великих реформ, как Юрий Самарин, Константин Кавелин, Алексей Унковский. Во-вторых, либеральная бюрократия, формировавшаяся в Министерствах государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, морском ведомстве, канцелярии Государственного совета — оазисах просвещенного либерализма, чудом уцелевших в недрах николаевского плац-парадного государственного аппарата. Оттуда вышли такие деятели реформ, как братья Милютины и Сергей Ланской. Либеральная бюрократия не была отгорожена от общественных сил страны, она формировалась в содружестве с либерально настроенными учеными, литераторами, педагогами и т. д. Они дружили, общались на заседаниях ученых обществ и в великосветских салонах, особенно в знаменитом своими участниками и дискуссиями салоне тетки царя великой княгини Елены Павловны. Эта среда, которую американский исследователь Теренс Эммонс назвал «бюрократическим "третьим сословием"», создала одну из главных предпосылок реформ Александра II.

П.В. Анненков писал о них — «изящные демократические чиновники, круг молодежи из служилой и высокопоставленной дворянской знати, интересовавшейся политэкономическими теориями и мечтавшей благоустроить Россию посредством административных новшеств в европейском духе при сохранении самодержавия, дворянской собственности и сословного принципа». Девиз этой партии довольно точно выразил Константин Кавелин — «в России нет политического вопроса, а есть вопрос административный». В такой позиции, делавшей ставку на инициативную роль монархии и преобразования «сверху», были как свои сильные (прагматизм и привязка к отечественным реалиям), так и слабые (незавершенность и половинчатость результатов) стороны, проявившиеся в ходе воплощения реформ в жизнь.

Сложным и спорным является вопрос о социально-экономических предпосылках отмены крепостного права. Если советские историки в основном развивали положение о кризисе и разложении феодально-крепостнического строя, то большинство западных исследователей приходит к заключению, что крепостная система хозяйствования накануне 1861 г. была вполне жизнеспособна. Впрочем, на сегодняшний день эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Бесспорным является то, что на подготовку реформы повлиял банковский и финансовый кризис конца 1850-х гг., вызванный войной. За годы войны общий дефицит государственного бюджета вырос в шесть раз, более чем наполовину уменьшилась обеспеченность золотом бумажных денег. Известный экономист Л.В. Тенгоборский в 1856 г. подал царю записку, в которой призывал «принять неотложно самые решительные меры к сокращению расходов... ибо в противном случае государственное банкротство неминуемо». Именно эти обстоятельства толкнули правительство на проведение широкомасштабной и не слишком выгодной как для крестьян, так и для дворян выкупной операции.

Условия воли

Подготовка реформы растянулась почти на пять лет, на протяжении которых во многом изменился облик страны. В самом реформаторском процессе видны три качественных скачка. Первый из них — переход от секретности в разработке реформ к гласности — пришелся на

конец 1857 г. Ему предшествовали важные события в общественной и политической жизни.

После московского выступления Александра II в марте 1856 г. весть о грядущих переменах разнеслась по стране и вызвала необычайный подъем как страхов, так и надежд русского образованного общества. «Крестьянский вопрос поднял все на ноги, все затушил и поглотил собою, многие с ума сошли, многие умерли... Нет ни палат, ни дома, ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел большой и малый владелец», — писал в столицу симбирский помещик. Беспокоиться и робеть было от чего — по словам другого провинциального дворянина, «свобода крестьян... всех нас разорит, все у нас растащат». Основная масса дворянства была настроена настороженно и враждебно. Правительство, понимая это, первое время даже избегало говорить об отмене крепостного права, используя взамен формулировку «улучшение быта помещичьих крестьян».

Но в самом воздухе уже пахло оттепелью, о которой Лев Толстой в 1860 г. в набросках к роману о декабристах напишет: «Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что, кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь». Только русская «революция» начиналась сверху и вполне традиционным способом — открытием в январе 1857 г. в Зимнем дворце очередного Секретного комитета (коих в предшествующее царствование уже было девять). На втором заседании государственные мужи николаевской эпохи решили, что правительству следует издать для всеобщего сведения указ о незыблемости основных законоположений по крестьянскому вопросу, отпечатать его, вставить «в рамочку под стекло» и разослать на места, чтобы «успокоить взволнованные умы». Указ не был издан, но император убедился в невозможности решения новых задач прежними методами и «кадрами» и усилил нажим на дворянство с тем, чтобы оно проявило законодательный почин (в деле, по сути, обездоливания себя самого). Это было непросто.

В конце концов, личному другу Александра виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову в ноябре 1857 г. удалось добиться от дворянства вверенного ему края адреса на высочайшее имя с просьбой о безземельном (по примеру реформы 1816—1818 гг. в Остзейском крае) освобождении своих крепостных. Император потребовал срочно рассмотреть этот вопрос, и в Министерстве внутренних дел в тече-

ние 48 часов подготовили рескрипт (указ, адресованный одному лицу) на имя Назимова, разрешавший создание в трех губерниях дворянских комитетов для обсуждения вопроса об «улучшении быта помещичьих крестьян». Кроме того, к рескрипту прилагалось «дополнительное отношение» министра внутренних дел С.С. Ланского. В этом документе уже прямо говорилось об «уничтожении крепостной зависимости крестьян» и предоставлении им в «постоянное пользование» полевой земли, причем министр добился, чтобы всем губернаторам вместе с высочайшим рескриптом было направлено и министерское отношение — «для сведения».

Со стороны столичных дворян инициативы не последовало, но правительство воспользовалось их прежним ходатайством (правда, не совсем о том предмете), и в декабре аналогичный рескрипт был дан петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву. Дворянство получало права создавать губернские комитеты, разрабатывать в них «подробные проекты об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян» для каждой губернии и подавать их императору. Однако дворянству, потрясенному решительностью и гласностью действий правительства (оба рескрипта были опубликованы в «Журнале Министерства внутренних дел»), понадобилось несколько месяцев на раскачку. Только с конца января начали поступать адреса от дворянства различных губерний, на которые следовали ответные рескрипты, и на местах создавались губернские дворянские комитеты. До начала 1859 г. было открыто 46 таких комитетов в европейской части империи. Таким образом, подготовка реформы перестала быть тайной, и к ней, наряду с бюрократией, было подключено образованное дворянское общество. В выборах губернских комитетов и составлении адресов на имя императора участвовало 44 тыс. дворян, владевших крепостными (40% от их общего числа). Наконец, в феврале 1858 г. Секретный комитет с опозданием на три месяца после фактического рассекретивания был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, правда, состав его вплоть до самого финала оставался неизменно консервативным и прокрепостническим.

Так был совершен, впервые в русской истории, переход от секретности к гласности в процессе подготовки важнейших реформ. На местах развернулась невиданно острая борьба внутри губернских комитетов вокруг условий и сроков освобождения крестьян. Либерально и консервативно настроенные дворяне, западники и славянофилы, ам-

нистрированные декабристы и петрашевцы образовали фракции «большинства» и «меньшинства», сделали сам процесс работы публичным (публикуя в местной печати подробные отчеты), терзали Главный комитет многочисленными запросами по поводу туманно изложенных положений рескриптов. На заседаниях комитетов происходили бурные сцены с нецензурной бранью, а порой и потасовками; у лидеров фракций появились телохранители. Особенно несладко приходилось либерально настроенным дворянам: славянофил Юрий Самарин приходил на заседания самарского губернского комитета «не иначе как с револьвером в кармане», а тульские депутаты пытались под видом дуэли организовать убийство **выступ**^{авшего} за освобождение крестьян с землей князя Владимира Черкасского.

Востребованы оказались идеи либералов позапрошлого царствования. Декабрист Иван Пущин, вернувшийся из сибирской ссылки, послал в 1858 г. председателю тверского губернского комитета и лидеру местных либералов Алексею Унковскому (юристу по образованию) проект конституции Никиты Муравьева, для использования в работе комитета. А Авдотья Елагина писала другому возвратившемуся декабристу Гавриилу Батенькову: «Что-то у Вас в Калуге происходит? В Твери стенографируют и литографируют каждое заседание комитета, это очень эффектно, и выходит гласность, чего все желают. Нельзя ли то же учинить в Калуге: ну-ка, господин декабрист, учи парламентским штукам».

Правительство между тем колебалось между «реаками» (на тогдашнем жаргоне — реакционерными) и «прогрессистами». Поначалу казалось, что ретрограды возьмут верх. Весной 1858 г. Главный комитет принял решение о безземельном, по остзейскому примеру, освобождении крестьян, и проект повсеместного введения в России военного управления в виде генерал-губернаторств. В это же самое время Кавелин, преподававший наследнику престола, после публикации в «Современнике» записки о необходимости освобождения крестьян с землей, выкупленной для них государством у помещиков, был отстранен от должности. Атмосфера сгушалась, но тут возникли новые обстоятельства.

В конце 1858 г. произошел второй качественный скачок в подготовке крестьянской реформы — от безземельного освобождения к программе освобождения крестьян с землей за выкуп. Произошел он под влиянием нескольких факторов, самым существенным из кото-

рых стало знаменитое «восстание в Махтра» (годовщину которого до сих пор отмечают в Эстонии). В конце апреля 1858 г. в Эстляндии, где крепостное право было отменено еще при Александре I, но крестьяне были освобождены без земли, начались активные крестьянские выступления, для подавления которых через три месяца пришлось использовать войска. Посланный с ними генерал-майор В.Н. Исаков, доверенное лицо Александра II, сообщил царю о том, что главной причиной беспорядков является именно безземельное освобождение, а крестьянство нуждается в подлинном, а не мнимом «улучшении быта» — с землей. Тем самым остзейский путь был скомпрометирован в глазах правительства, а его противники получили неотразимый аргумент — безземельное освобождение может привести к уже всероссийской Махтре. О том же неоднократно писал и Герцен в «Колоколе», который читали в правительственных сферах. Кроме того, на изменение правительственной программы повлияли и отказ удельных крестьян от освобождения без земли, и борьба фракций в губернских комитетах. В итоге 4 декабря 1858 г. под давлением царя Главный комитет по крестьянскому делу принял новую программу крестьянской реформы — предоставление крестьянам полевой земли в собственность (а не в пользование, как ранее) за выкуп. Огромную роль в перемене взглядов царя сыграл генерал-адъютант Яков Ростовцев, начальник военно-учебных заведений империи и член Главного комитета, который вдруг из «реакционера сделался ревностным прогрессистом и эмансипатором», сблизился с либералами и впоследствии много способствовал реализации их планов. Унковский утверждал, что неожиданное преображение Ростовцева произошло под влиянием просьбы умирающего сына загладить давний грех (в 1825 г. Ростовцев донес императору о подготовке восстания) деятельным участием в освобождении крестьян.

Приняв новую программу, правительство, однако, побоялось ее опубликовать — в верхах продолжалась борьба «реактов» с «прогрессистами». Между тем Главный комитет начал получать приеланные губернскими дворянскими комитетами проекты освобождения крестьян, причем ни один из них не был похож на другой. Если очень грубо и приблизительно пытаться сгруппировать эти проекты, то помещики черноземной полосы предусматривали сохранение в своих руках максимального количества земли, нечерноземной — освобождение крестьян с землей, без переходного периода и за довольно боль-

шой выкуп, степной — освобождение с землей, но с длительным переходным периодом, на который сохранялись обязательная барщина и вотчинная власть помещика. Поскольку нередко фракции большинства и меньшинства составляли отдельные проекты, то Главный комитет ожидало поступление не 46, а гораздо большего числа проектов губернских комитетов. Стало очевидно, что ему просто не под силу справиться с обилием противоречивых материалов и выработать общие положения грядущей реформы. Для этого нужны были иные чиновники и иные идеи.

Новые деятели обнаружили в окружении лидера либеральной бюрократии Николая Милютина, ставшего в 1858 «временно исполняющим должность» министра внутренних дел. Новые идеи были почерпнуты из его программы освобождения крестьян, изложенной еще в записке 1856 г. и тогда же отвергнутой царем. Доработанный вместе с Кавелиным проект был подписан Александром 1 февраля 1859 г., а 17 февраля царь утвердил предложение Ланского и Ростовцева о создании специального органа — Редакционных комиссий под председательством Ростовцева — для окончательной доработки предложений с мест и подготовки общего проекта реформы.

Так в начале 1859 г. произошел третий и последний скачок в подготовке отмены крепостного права — создание качественно нового органа в системе российской государственности, который подготовил не только крестьянскую, но и отчасти другие Великие реформы. Скромное название «Редакционные комиссии» (комиссий было две, но работали они как единый орган) было выбрано в значительной степени для маскировки и поддержания у членов главного комитета убеждения в том, что создается его «второстепенная комиссия» (выражение императора). Между тем современники сразу поняли значение происшедшего. Член комиссий Петр Семенов-Тянь-Шанский характеризовал их как учреждение «доселе небывалое» в России, независимое и самостоятельное. Соратник Герцена Николай Огарев признавался: «глядя на подписи в журналах Комиссий, сердце радуется, что встречаешь имена людей бескорыстных и образованных, а не встречаешь, как в Главном комитете, имена людей бездарных и неблагонамеренных в крестьянском вопросе». В системе высших органов власти Редакционные комиссии заняли особое место, так как подчинялись через Ростовцева непосредственно императору. По выражению одного из их членов, они представляли «как бы отдельное в государстве вре-

менное учреждение». Сам же Александр считал их «органами правительства».

Состав Редакционных комиссий, подобранный Ростовцевым с помощью Милютина и Семенова и утвержденный царем, был уникален: в них вошли 17 представителей министерств и ведомств и 21 независимый общественный эксперт из местных помещиков или специалистов (ученых, публицистов) по крестьянскому вопросу. Всего было 39 человек, дворян 35—40 лет, высокообразованных и в большинстве своем помещиков. Деятели эти принадлежали в массе к одному с царем поколению, среди них были как чиновники, так и главы различных общественных течений — например, западник Кавелин и славянофил Самарин. Их всех объединяла программа реформ сверху.

Подлинным лидером Редакционных комиссий стал Николай Милютин — ему удалось организовать работу с невиданной для тогдашнего государственного аппарата интенсивностью (за полтора года — 409 заседаний; для сравнения — Главный комитет за 1858 г. собирался 28 раз) и результативностью. Милютин буквально «гнал» работу комиссий, руководствуясь убеждением, что русские реформы надо проводить быстро, а когда возникали споры и разногласия, останавливал их словами «сейчас не время для разногласий, хорошо, если успеем бросить семя». Современники высоко оценили эти труды. Некрасов посвятил Н.А. Милютину стихотворение «Кузнец»:

«Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доньне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин».

«Грубая ковка» программы Милютина и Редакционных комиссий была государственнической, бюрократической и патерналистской. В

ней самой были заложены противоречия и ограничительные пределы дальнейшего хода реформ — например, ставка на инициативную роль монархии при отсутствии гарантий продолжения реформ, или стремление создать крестьянина-собственника в будущем при консервации общины с ее архаичными переделами, круговой порукой и коллективной собственностью. Сохранялась и сословная неполноправность крестьян, которым запрещалось отказываться от наделной земли.

Разработанная почти за полгода, программа Редакционных комиссий уже осенью 1859 г. подверглась резкой критике с разных сторон. Правительство решило не обсуждать ее в губернских комитетах, чтобы избежать противодействия консервативного большинства помещиков. Поэтому в Петербург были в две очереди вызваны представители с мест, но и тут одни выступили против выкупа полевой земли крестьянами, их самоуправления и уничтожения вотчинной власти помещиков, другие — за выкуп при условии отрезки половины надела и в то же время за широкие реформы местного самоуправления, суда, просвещения и т. д. Хотя вместе им собраться не разрешили (Александр боялся конституционных требований, а Милютин «со товарищи» опасались за свою программу), в личных устных выступлениях перед комиссиями депутаты энергично нападали на занятую верховной властью позицию арбитра во взаимоотношениях между сословиями. В трудах Редакционных комиссий консерваторы усмотрели «коммунистические начала» (т. е. защиту интересов крестьян в ущерб помещикам), а либералы намекали на необходимость конституции и «увенчания здания». Милютин в ответ на это заявил: «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны».

В итоге правительство, опасаясь противодействия как левых, так и правых, приняло чисто российское «соломоново решение» — запретить обсуждать крестьянский вопрос в уездных и губернских дворянских собраниях. Унковский, подводя итоги работы Редакционных комиссий, их главной ошибкой назвал стремление «ослабить плантаторскую партию» путем «устранения гласного обсуждения вопроса» в комитетах, чем комиссии, по его мнению, ослабили самих себя и вообще сторонников реформ. Трудно не согласиться с этим выводом, но

это, видимо, неустранимый изъян самодержавно-бюрократического реформаторства.

Подготовленные комиссиями положения крестьянской реформы в октябре 1860 г. поступили в Главный комитет, а затем и Государственный совет, где подверглись правке консерваторов. Размеры земельных наделов освобождаемых крестьян были существенно урезаны, повинности повышены, выросли и выкупные платежи. По выражению царя — «все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, было сделано».

Наконец, 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину восшествия на трон, Александр II подписал Манифест и Положения о крестьянской реформе. Показательно, что накануне к Зимнему дворцу были стянуты войска, ночевал император не в своей спальне, а у заднего подъезда дворца приказано было держать наготове двух резвых лошадей — «Баязета серого и Адраса бурого» — на случай необходимости спасения государя. Но и подписанный Манифест держали в секрете еще две недели, дожидаясь протрезвления народа после окончания масленицы, и огласили только в Прощеное воскресенье 5 марта 1861 г., последний день перед великим постом.

Вот как вспоминал об этом будущий революционер и анархист, а тогда паж второго класса Пажеского корпуса князь Петр Кропоткин: «Я лежал еще в постели, когда мой денщик Иванов вбежал с чайным подносом в руках и воскликнул: — Князь, воля! Манифест вывешен в Гостином дворе... — Ты сам видел манифест? — Да. Народ стоит кругом. Один читает, а все слушают. Воля!

Через две мшгугты я уже оделся и был на улице. — Кропоткин, воля! — крикнул входивший в корпус товарищ. — Вот манифест. Мой дядя узнал вчера, что его будут читать за ранней обедней в Исаакиевском соборе. Народа было немного, одни мужики. После обедни прочитали и раздали манифест. Когда я выходил из собора, много мужиков стояло на паперти. Двое из них, в дверях, так смешно мне сказали: "Что, барин? Теперь фиють!" Товарищ мимикой передал, как мужики указали ему дорогу. Годы томительного ожидания сказались в этом жесте выпроваживания барина. Я читал и перечитывал манифест. Он был составлен престарелым московским митрополитом Филаретом напыщенным языком. Церковнославянские обороты только затемняли смысл.

Но то была воля, без всякого сомнения, хотя и не немедленная. Крестьяне оставались крепостными еще два года, до 19 февраля 1863

года; тем не менее было ясно одно: крепостное право было уничтожено, и крестьяне получают надел. Им придется выкупать его, но пятно рабства смыто. Рабов больше нет. Реакции не удалось одержать верх».

Выработанные в бюрократических муках и яростной борьбе «откупного торга» (по словам Петра Валуева) условия отмены крепостного права были крайне сложными. Суммировать их можно в четырех главных пунктах: личное освобождение, наделение землей, выкупная операция, крестьянское самоуправление. Крестьяне получили долгожданную личную свободу и ряд гражданских прав (заключать сделки, открывать торговые и промышленные заведения, свободно вступать в брак, переходить в другие сословия и т. д.). Но полноправным сословием они не стали: оставались рекрутские наборы, подушная подать, телесные наказания. Кроме того, на период «временнообязанного состояния» (т. е. до перехода на выкуп) за помещиком сохранялось право вотчинной полиции. Он мог требовать смены сельских должностных лиц, удаления из общины неугодных крестьян, вмешиваться в решения сельских и волостных сходов.

Выйдя из-под власти помещика, крестьянин оказывался в зависимости от «мира», т. е. общины, которая оставалась собственником наделных земель. Крестьяне не могли отказаться от надела. Для каждой губернии были установлены его высшая и низшая нормы. После грубой корректировки предложений Редакционных комиссий в Главном комитете они были понижены, и в целом по России крестьянство потеряло около 20% той земли, которой пользовалось до реформы. Общине все равно приходилось арендовать землю у помещика, расплачиваясь обработкой уже его земель. Эта так называемая «отрабочная» система ставила освобожденных крестьян в жесткую экономическую зависимость от своих вчерашних хозяев.

Средний размер крестьянских наделов составил всего 3,4 десятины на душу. По подсчетам земских статистиков, для того чтобы прокормить семью, в черноземной полосе требовалось 5—6 десятин, а в нечерноземной — около 8 (и это без учета уплаты податей). Самые большие наделы получили крестьяне северных и степных губерний, самые незначительные — черноземных губерний. Крестьянское малоземелье и связанные с ним нищета, недоимки стали бичом русской пореформенной деревни.

Для того чтобы стать собственниками земли, крестьяне должны были заплатить выкуп — не только за урезанный надел, но и за по-

терю помещиком крепостного труда. Выкупная сумма определялась путем так называемой «капитализации оброка»: ежегодно уплачиваемый крестьянином оброк приравнивался к годовому доходу в размере 6% с капитала. Вычисление этого капитала и означало определение выкупной суммы. В центральных губерниях за высший надел платили 8—12 рублей оброка в год — следовательно, выкуп должен был составить 133—200 рублей с души (а в крестьянском дворе могло быть и 5, и 7 душ мужского пола). У крестьян, разумеется, не было денег, чтобы внести всю сумму сразу. Поэтому они выплачивали около 20% от нее (или отработывали эту сумму на помещичьей земле), а остальные 80% помещикам выплачивало государство. Делало оно это не деньгами, а государственными ценными бумагами, доходность которых была значительно ниже утраченного оброка. Выплаченные помещикам средства с прибавкой 6% годовых государство затем взыскивало с крестьян в форме выкупных платежей в течение 49 лет. По подсчетам современных исследователей крестьяне к 1905 г. заплатили почти в два раза больше рыночной стоимости полученной земли.

В результате от выкупной операции пострадало и дворянство, и крестьянство, что хорошо выразили знаменитые некрасовские слова: «Распалась цепь великая / распалась, раскочилась, / одним концом по барину, / другим — по мужику». Обновленным из кризиса вышло только государство, правда, ненадолго.

Власть помещика в деревне заменялась «общественным управлением» по образцу крестьянского самоуправления в государственной деревне, созданного в ходе реформы П.Д. Киселева 1837—1841 гг. Крестьянская община составляла сельское общество (мир), которое распоряжалось полученной землей и несло за нее повинности перед помещиком, а также уплачивало подати государству. Домохозяева (главы семей) мира собирались на сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей, представителей на волостной сход. Несколько сельских обществ образовывали волость (от 300 до 2000 душ) • В свою очередь, волостной сход избирал волостного старшину, волостное правление и волостной суд. Последний разбирал тяжбы между крестьянами на сумму до ста рублей и наказывал за незначительные проступки денежными штрафами, общественными работами или розгами (на усмотрение провинившихся, которые чаще всего выбирали последнее). Без согласия сельского схода и волостного правления

крестьянин не мог ни получить паспорт, чтобы уйти на заработки, ни выйти из общины, отказавшись от надела.

Надо сказать, что в Редакционных комиссиях вопрос об общине вызывал бурные споры, но в итоге был решен в пользу ее сохранения, в основном из фискальных и полицейских соображений. Правда, Николай Милютин и его соратники рассчитывали на постепенное упрощение для крестьян выхода из общины, отмену круговой поруки, облегчение малоземелья путем «прирезки» казенных земель. В действительности правительственная политика свела эти планы на нет, и их пришлось воплощать в жизнь уже в начале XX века Столыпину в ситуации цейтнота и жесткого политического кризиса.

Наконец, надо сказать, что помещичьи крестьяне составляли около половины всех крестьян России. Удельные (принадлежавшие царской фамилии) и государственные крестьяне при освобождении получили значительно больше земли, но демографический взрыв второй половины XIX века вскоре свел на нет это преимущество.

«Порядка ж нет как нет»

Объявленная воля была встречена большинством крестьян с недоумением. Документы полны свидетельств о том, что мужики говорили: «да какая же это воля?», «так еще через два года!», «да господа-то в два-то года-то все животы наши вымотают». Порой во время чтения манифеста поднимался ропот и крик, часто народ выходил из церкви, не прикладываясь к кресту. Среди крестьян распространились подозрения, что подлинную волю от них скрыли, они требовали прочесть «настоящую» царскую грамоту. Начались волнения, на подавление которых пришлось посылать правительственные войска. В селе Кандеевка Пензенской губернии толпа, избив читавшего Манифест священника и должностных лиц, кричала: «Ни дня, ни минуты барину не будем работать, податей с нас царь не будет требовать двадцать лет, земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего, господ, попов бей, души!» Многие отказывались выполнять барщину, подписывать уставные грамоты, фиксировавшие условия освобождения.

Начался подъем не только революционного, но и либерального движения. Дворянство стремилось к более активному участию в госу-

дарственном управлении. В начале 1862 г. петербургское и московское дворянские собрания обсуждали вопрос о созыве представителей от дворянства и других сословий для обсуждения предполагаемых реформ.

Дальше всех пошли тверские дворяне во главе с Алексеем Унковским, подавшие в том же году Александру II «всеподданнейший адрес» с требованием предоставления земли в собственность крестьянам, отмены дворянских сословных привилегий и созыва всенародного бессословного совещательного органа: «Преобразование, требующееся ныне крайней необходимостью, не может быть совершенно бюрократическим порядком. Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что стоим к нему ближе... Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными потому, что предпринимаются без спроса и ведома народа. Собрание выборных всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19 февраля». По сути, это была реальная программа углубления и продолжения реформ на базе соединения усилий власти и всех слоев общества. При таком варианте развития событий, со всеми его трудностями и издержками, открывались по крайней мере две головокружительные возможности. Во-первых, это создание действенных гарантий продолжения преобразований и невозможности прекратить их или повернуть вспять. Во-вторых, русское общество могло на сорок лет раньше начать проходить школу парламентаризма (I Государственная дума была созвана в 1906 г. и оказалась практически недееспособной ввиду отсутствия у большинства депутатов навыков публичной политики).

Результат подачи адреса был вполне традиционен — тверские либералы были арестованы и пять месяцев провели в Петропавловской крепости.

И все-таки общество было разбужено, и даже в среде высшей бюрократии появились конституционные планы, особенно после начала в 1863 г. второго польского национально-освободительного восстания. Их настойчиво предлагал новый (после отставки Ланского) министр внутренних дел Валуев. По его инициативе в 1863 г. был разработан законопроект о создании при высшем законсовещательном органе — Государственном совете — своеобразной «нижней палаты» из

представителей земств, избранных на губернских земских собраниях, а также из депутатов от национальных окраин и крупных городов. Лишь пятая часть от общего числа членов этой палаты была бы назначена «высочайшей властью». Наряду с такой «нижней палатой», или «съездом государственных гласных», предусматривалась и «верхняя палата» — «Общее собрание Государственного совета», члены которой бы по-прежнему назначались сверху. Съезд государственных гласных, по мысли Валуева, должен был участвовать в рассмотрении всех законопроектов, бюджета и других вопросов, представленных императором.

И этим планам не суждено было сбыться. Александр II после подавления польского восстания отклонил проект со словами: «Что касается конституции, то мы для нее не созрели. Разве ж я пытаюсь удержать власть в личных целях?» Созвучно этому высказывались и многие либеральные лидеры. Константин Кавелин писал, что «Россия еще во многих отношениях печальная пустыня; ее надо сперва возделывать, начиная дело снизу, а не сверху... Самоуправление... может начать осуществляться пока только в провинции, при деятельном содействии дворянства. В этой плодотворной школе оно и подготовится к дальнейшей более обширной политической деятельности...» Еще более определенно выразился Юрий Самарин: «Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, т. е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман». Все эти бесконечные упражнения на тему национальной самобытности на деле не приближали, а отдаляли и конституцию, и «политическую деятельность» гражданского общества. Жизнь очень скоро показала это.

Лебединой песней русской либеральной бюрократии и лично Николая Милютина стала проведенная в 1864 г. в Польше и западных губерниях аграрная реформа, по которой крестьяне получили землю в собственность сразу и без выкупа. Сделано это было в основном потому, что власти хотели противопоставить местных крестьян польским помещикам и тем лишить польское национально-освободительное движение опоры в народе. Но получилась, как в свое время у Александра I, чудовищная диспропорция — «свои» крестьяне были освобождены на гораздо менее выгодных для них условиях, чем «чужие» (в большинстве своем украинцы и белорусы).

В том же году начались еще две весьма плодотворные реформы — земская, основные положения которой были разработаны еще до 1861 г. комиссией при МВД под руководством Николая Милютина, и судебная. Земская реформа вводила начала всеобщего, выборного представительства в масштабах губернии и уезда. Хотя дворянство играло в земствах ведущую роль, а из крестьян после многоступенчатых выборов попадали в число гласных самые «благонадежные», тем не менее крестьянство впервые после XVII в. получило место во всеобщих учреждениях. Компетенция земств была ограничена местными хозяйственными вопросами, но в рамках этих скромных учреждений в ходе совместной работы были сделаны шаги к преодолению социальной пропасти между высшими и низшими сословиями, на земскую службу шла замечательная интеллигенция (врачи, учителя, статистики), а в конце века окрепло либеральное движение.

Судебная реформа была, по единодушному мнению историков, самой последовательной и радикальной из Великих реформ. Россия впервые получила бессословный, гласный, независимый от администрации суд с состязательностью судебного процесса, адвокатурой, выборностью присяжных, несменяемостью коронных судей и т. д. Были проведены и другие реформы — народного просвещения, цензуры, военные, городского самоуправления, финансов, статистики. Все в российской жизни пришло в движение, кроме главного — высших органов государственной власти, центральной администрации, неограниченной власти монарха и всеобщего бюрократии. Здесь-то и таилась угроза всему.

С середины 1860-х гг. преобразования сначала замедлились, а потом и прекратились. Последним актом было завершение в 1874 г. военной реформы введением всеобщей воинской повинности. Накануне военный министр Дмитрий Милютин, брат Николая Милютина, записал в своем дневнике: «Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед, теперь все тянет назад! Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед, теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому».

В 1865—1866 гг. на Александра II обрушилось сразу несколько испытаний. Умер его 22-летний старший и горячо любимый сын, на

государя было совершено первое покушение — выстрел Дмитрия Каракозова, потрясший царя. Тогда же начался затяжной, отнимавший много сил и создававший мучительную раздвоенность жизни роман с княжной Екатериной Долгорукой. Сомнения в правильности избранного курса, усталость от борьбы общественной, бюрократической и внутрисемейной, крах надежд на скорое и безболезненное реформирование огромной империи — все сплелось в один узел. Не удалась и очередная попытка завоевания Царьграда. Победа в кровопролитной русско-турецкой войне 1877—1878 гг. была упущена дипломатами на Берлинском конгрессе. С 1878 г. поднимается новая волна террора, начатая выстрелом Веры Засулич в петербургского градоначальника и завершившаяся убийством царя-освободителя 1 марта 1881 г.

Трагедия 1 марта показала, как опасно правительству отсекал от себя общественные силы, оставаясь единственным игроком на политической сцене. Ведь если бы в октябре 1860 г. Александр II не распустил Редакционные комиссии, дал бы либералам возможность довести их планы до воплощения в жизнь и привлечь на свою сторону общество, то были бы существенно сужены возможности реакции как справа, так и слева. Весьма вероятно, что катастрофы можно было бы избежать. Ведь царя убили не за реформы, как иногда ошибочно полагают, а за отречение от них. «Галилеянин» поплатился за отступничество.

Подробнее на эту тему:

Великие реформы в России, 1856—1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856—1861. М., 1984.

Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы (1801-1917). М., 1993. С. 159-214.

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964.

Кацва Л. Эпоха великих реформ. Материалы для изучения. — <http://his.lseptem-beg.ru/2003/04/1.htm>

Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Мамонов А.В., Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и общественной деятельности // Отечественная история. 2001. № 4.

Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.